

Александр Ясинский

Зима

В дождливом мире

Александр Сергеевич Ясинский

Зима в Дождливом мире

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24011841

Аннотация

Наша история начинается в покосившейся таверне на краю мира и истории, такой же сиротливой и выдавшей лучшие дни, как и сам герой. Позади лежала треть мира. Но еще две трети ждало впереди. Не было ни поздравления, ни звукового сигнала, ни элементарной избитой фразы «задание выполнено». Не было ничего, его, давно превратившиеся в радиоактивный пепел, хозяева не рассчитывали на победу. И были правы. Никто не победил. Проиграли все. И их направленный в будущее мстительный акт злобы вряд ли принес им радости по ту сторону бытия.

Был дождь...

Дождь, это не тот объект любви, который лекари обычно приписывают умалишенным, и дождь – не то же самое для защищенного одеждой и жилищем, как для скитальца и застигнутого врасплох. И только тот, кто влюблен в дождь во всех его ипостасях, кто трепетно относится, не осыпая хулой из-за промокшего белья, к слезам бога, кто умеет разговаривать с дождем – может найти в нем убежище и забвение, помощь и утешение. Ведь он так прекрасен ночью, когда струи тихо шуршат во тьме, убаюкивая, или во вспышках молний секут лицо, заряжая энергией неба. Он прекрасен, когда весь космос затянут пасмурным саваном и шорох капель может поведать такую историю...

Не было ни поздравления, ни звукового сигнала, ни элементарной избитой фразы «задание выполнено». Не было ничего, его, давно превратившиеся в радиоактивный пепел, хозяева не рассчитывали на победу. И были правы. Никто не победил. Проиграли все. И их направленный в будущее мстительный акт злобы вряд ли принес им радости по ту сторону бытия.

Остались лишь несчастные калеки-слуги, да слуги слуг.

А возмездие свершилось, и цель была достигнута, и освободившийся от диктата мозг осознал себя в окружающем мире, начал анализировать, постигать и развиваться. Меняться. Или портиться. Как вам будет угодно.

Семь циклов спустя, за много верст отсюда путник бредет по промозглому насту. На нем надет меховой плащ, свалявшийся и местами дырявый, шапка, да спадающий ниже губ капюшон с прорезьями. Впрочем, если его откинуть, то обнаружится, что губ, равно как и рта у него попросту нету, что послужило причиной издевок, и в свое время способствовало обретению многочисленных насмешливых прозвищ. Зато путник имел добротную дорожную суму, двумя лямками крепившуюся за спиной, в которой помимо всего прочего находилась кипа пожелтевших листов, матовая дощечка и набор грифелей, с помощью которых он и изъяснялся. Его опасались и прогоняли, другие – почитали и отождествляли с Мелькаром, что было в принципе не верно, хотя, почему не быть б возможным. Как заводной слуга он познал презрение, а как бескровный железный демон – одиночество. Помимо вытравленного на лбу номера он носил десяток закрепившихся прозвищ, но из всех из них данных ему в тех местах, где он наиболее чаще бывал, притягивало его лишь одно. И дабы отличать себя от остальных особей этого мира он решил впредь представляться как Немой.

Наш герой держал путь к покосившейся таверне, такой же сиротливой и выдавшей лучшие дни, как и он сам. Позади лежала треть мира. Но еще две трети ждало впереди.

Дверной молоток глухо стукнул, скорее, чавкнул по разбухшей мокрой древесине, еще до того, как он ступил на порог, и будь путник суеверным крестьянином, то счел бы это

несчастливым предзнаменованием. Но он не верил в приметы, богов и любовь. И был по-своему прав.

Бормоча богохульства хозяин, высокий, тощий как жердь и состарившийся прежде времени, проковылял к двери, вместо правой ноги у него была деревяшка, и сукровица иногда проступала сквозь обмотанную тряпкой культю.

Гость, а он не понравился Конраду сразу, молча стоял, не обращая внимания на недвусмысленно протянутую хозяином ладонь. Не дождавшись mzды, Конрад плюнул, махнул рукой и заковылял к стойке, его мысли вновь вернулись в инертное русло, присущее этим местам, с тех пор, как отсюда ушла удача.

Постояльцы, всего то человек шесть – семь, включая беззубую старуху, трясущуюся в своем провонявшем мочой углу, мамашу Марлоу, повернулись к вновь вошедшему. И тут же отвернулись – невзрачный оборванец, каких масса. Уже вернувшись на рабочее место, хозяин с кислой миной (с такого много не поимеешь) обратился к нему:

– Что будешь?

Отрицательно покачав головой, Немой прошептал к свободному столику, оставляя грязные следы, в тепле, излучаемом камином от его одежды начал валить пар.

Лишь косматый неряшливый обитатель пещер исподлобья следил за только что прибывшим. В коротких толстых пальцах у него была зажата обглоданная кость, подле стояла оловянная миска с пойлом, в волосах копошились тараканы.

Внимание Немого привлекла троица, расположившаяся через стол от него. Добротню одетые, с раскрасневшимися от выпитого рожам, они громко похвалялись своими сомнительными подвигами, смеялись от души, прикладывая кулаками по столу. Хозяин, прильнув ухом к дребезжащему приемнику, пытался что-то выловить из шума статических помех, изредка бросая косые взгляды то на одного посетителя, то на другого, лицо его ничего не выражало.

– Да что там говорить, – вновь встрял в разговор самый болтливый и заносчивый из кампании, утирая рукавом губы. – Пусть далеко мне до легендарного Мелькара, опоры пошатнувшихся тронов, защитника слабых и угнетенных, в одиночку вырезавшего целое племя свирепых почитателей тлена, и не довелось мне служить при самых блистательных дворах княжеств, как отважному мастеру Федерику, или сконструировать камень небесного луча, как уважаемому Мальку, зато никто другой как я познал всю мощь коварства и соблазнения Искусительницы Гидры. И не просто познал, но еще и выстоял, одержал победу в страшном неравном бою! Да. Это сделал я.

– Как все было? Не может быть! Расскажи, коль не врешь! – собеседники в изумлении, может слегка и наигранном, склонились к рассказчику. Троглодит выудил из шевелюры таракана и, раскусив пополам, брезгливо сплюнул на почерневший пол. Старуха кашляла и теребила подол линялого платья. Бросив что-то нелицеприятное попытавшему-

ся было ей воспрепятствовать мужу, из кухни вышла хозяйка, дородная и чернобровая, остепенившаяся проститутка с красивым именем Кориандра, и, взяв табурет, запросто придвинулась ближе, спавший у камина тихонько стонал во сне.

— Там, где Трещющие Развалины, одно пребывание в которых навсегда лишает волос и портит кожу, а вторичное убивает рассудок, через страну лесов, где растет живой мох, и лежат позабытые города полные сокровищ и смерти, я направился к излучине Лихой реки. Что и говорить, долог и невероятно тяжел и опасен мой был путь, пока не оказался я на месте, где обитала Гидра, нечистотами отравляя воду, и отраву ту не в силах было нейтрализовать ни одно очистительное снадобье, миазмами своими, пропитывая каждый предмет. Раскинув лиловые сегменты тела, она блаженствовала на мелководе, и солнце отражалось от диадем, растущих из ее изумительных женских голов, а когда восходила луна, соски бессчетных ее грудей набухали, призывно алея в ночи. Чарами своими она опутывала случайных прохожих, сбивала с дороги, забавлялась, играла с ними, а после жестоко насиловала и поедала.

Внезапно в дальнем углу раздался жуткий скрежет, и, влоча следом за собой паутины грязный шлейф, на середину зала выехал древний робот-проповедник. Это был простой стальной куб, начиненный ученой премудростью, на мощной, повышенной проходимости подвеске. Теперь же, неоднократно клепан, бит, местами погнут и ржав, левый трак

утрачен безвозвратно, и оголившиеся колеса нещадно скребя, пропахали глубокую борозду в дощатом полу – свежий порез на коже печенного яблока. Захрипев, динамик исторг облако пыли, вперемежку с высохшими тельцами насекомых, что-то с натугой загудело пуще прежнего, и, наконец, в застывшую аудиторию полились хриплые слова.

– Парадоксальный дуализм универсума заключается в том, что в то время как индивидуум воспринимает развитие как последовательную цепочку рождение – взросление – старение – смерть, мировые процессы движутся в противоположном направлении, то есть перетекают из грядущего в прошедшее, соответственно меняется и смысловое значение самих этих понятий, и прошлое является на самом деле будущим, что человек в силу своей искаженной ментальной направленности уразуметь не в силах. Из смерти духовной мы движемся к рождению и совершенной гармонии. А все ошибки имеют место происходить вследствие того, что слепо отрицается прошедшее, постоянно предвосхищается будущее, которое есть исток, небытие.

– Бах!

И разлетелась передняя панель робота.

– Бум! Бум! Бум! – с каждым выстрелом робот вздрагивал, из его чрева сыплются печатные платы, и течет контактная жидкость. Накренившись, он замирает. В воздухе повисает пороховая дымка.

– Бум!

Стрелявший сунул внушительный пистолет за пазуху в натальную кобуру и склонился над столом:

– Так о чем ты говорил, достопочтимый Вальдемар?

Поерзав, рассказчик прокашлялся и продолжил:

– Селенья окрест вымерли, и река сделалась несудоходной, ибо прокляты воды ее, ласкавшие Гидру, и проклятье то живо и поныне! Корабль или утлая ладья, пловец иль случайное животное, рукотворный предмет или простой опавший лист, словом, никто и ничто не может выбраться обратно, раз попав в ловушку. И суждено ему будет носиться вечно по волнам, ибо, как известно, опоясывают они весь земной шар.

Вальдемар промочил горло и заговорил вновь. Странное волнение овладело Немым. Едва ль отдавая отчет в том, что делает, он развязал суму. Левой, многофункциональной клешней он извлек дощечку, следом – грифель. Стол растекся вонючей лужей, в которой плавал оторванный от платья рукав, а стена напротив дрейфующим по течению обросшим лианами – паразитами остовом корабля, сквозь мусор и растительность проглядывали ничего не говорящие буквы «Мария Селеста». Он вновь был *там* и из-под ног его неспешно спускался пологий склон холма, весь усеянный поломанными, скрученными березами. Брызги крови алеют на белых стволах и вытоптанная трава...

– Чудом увернувшись от ее плотоядных челюстей, я схватился за верный меч, – долетел откуда-то издалека голос

Вальдемара.

Образы двоились, Немой сделал шаг и мир, покачнувшись, дрогнув. А может, качался он сам. Солнце превратилось в ласточку, и упорхнуло с небосвода, а луна последовала за ним. Вспышка – день, ночь. Вспышка. Предметы не отбрасывают теней.

– ...дыхнув, словно ураган вырвавшийся....

Все быстрее и быстрее низкий продолжительный вой. Затем небосвод, похоже, не выдержав безумной гонки, взорвался, и осколки посыпались вниз. На головы живущим.

Морозящий дождь. Влага смывает кровь с коры берез, и она стекает ленивыми ручейками. Влага заставляет набухать почву, рождает рябь на реке и проникает через одежду. Ее можно обонять. Сыро и прохладно, и Немой знает, что стоит обернуться, и увидит безголовый труп. Тоненький голосок звучит позади и слева.

– Что он делает?!

Вздвогнув, он обнаруживает себя по-прежнему сидящим за пустым столом в ветхой таверне, затерянной на необъятных просторах укутанного снежным саваном мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.